

АРМЯНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА В ОЦЕНКЕ РУССКОЙ КРИТИКИ 1920-х.—НАЧАЛА 1930-х гг.

СЕДА АМИРЯН

Октябрьская социалистическая революция, предоставив народам политическое и национальное равноправие, открыла новую страницу и в истории их духовного общения. Если ранее культурные, и в частности литературные, связи носили стихийный характер и осуществлялись, главным образом, благодаря энтузиазму отдельных деятелей, то теперь характер и масштабность литературного взаимодействия определялись задачами строительства новой социалистической культуры.

В процессе литературного строительства, который проходил у каждого народа в чрезвычайно сложной обстановке, в противоречиях, во взаимных борениях сил, взаимных отрицаниях и утверждениях, появлялась большая заинтересованность тем, в каком направлении идет этот процесс у других народов, правильность выбранного пути выверялась опытом развития других литератур. Здесь естественна была ориентация прежде всего на русскую литературу. Это было обусловлено не только тем, что русская литература была наиболее развитой на современном этапе, но и тем, что в ней именно зародился творческий метод социалистического реализма. Вот почему каждая национальная литература контактовала прежде всего с русской литературой, издавала переводы произведений русских писателей, помещала обзоры русской советской литературы, различные информации о событиях литературной жизни России и т. д.

Что касается самой русской литературы, то она обращалась к опыту западноевропейских литератур и мало внимания уделяла национальным литературам. Несмотря на ленинскую установку на сугубо внимательное отношение к культурам и литературам национальных республик, положение это в первой половине 20-х годов не нашло внедрения в жизнь и в практике общения руководящими литературными организациями игнорировалось и искажалось. Следствием этого и явилось то, что в этот период русская литература была представлена в национальных республиках несравненно шире, чем национальная— в России. Перелистывая русские журналы, газеты или другие литературные издания этого периода, трудно найти в них какие-либо публикации о национальных литературах, а тем более переводы — лишь скудные информации или мало говорящие заметки. Такое игнорирование приводило к тому, что представление не только русских читателей, но и писателей о национальных литературах было крайне бедно. Зачас-

тую ставилось даже под сомнение существование пролетарской литературы в республиках. К середине 20-х годов такое состояние дел вызвало тревожное недоумение у самих руководителей Всесоюзной ассоциации пролетарских писателей (ВАПП). Так, на одном из очередных пленумов этой организации Г. Санников, анализируя работу журнала «Октябрь», резюмировал: «Освещение организации национальной литературы зачастую носило просто филантропический характер. Случайно попадали какие-то заметки, но никакой системы в этом направлении не было. Разве через журнал «Октябрь» проходила хоть одна статья, освещающая жизнь и творчество той или иной национальной литературы? Что мы знаем через журнал «Октябрь», например, о такой богатой литературе, которая имеется в Армении или Грузии? И в деле организации вокруг журнала «Октябрь» национальной литературы никакой работы не велось»¹.

Нужно заметить, что упоминаемые здесь Г. Санниковым случайно помещаемые в печати заметки касались к тому же лиц, мало примечательных по своему литературному дарованию. Так, в журнале «На литературном посту» была напечатана рецензия на переводную поэму Г. Айкуни «Красный дьявол», изданную в Москве. Вот как отзывался автор рецензии А. Ревякин об этом произведении, посвященном гражданской войне в Краснодаре: «Интересная по фабуле, осложненная интригами поэма читается до конца с захватывающим интересом. Гурген Айкуни—мастер сюжета...»². Г. Айкуни продолжал представлять армянскую литературу и в следующих номерах журнала. По-видимому, случаи таких публикаций и имел в виду А. Бакунц, когда в своем предсъездовом письме, в августе 1934 г., «в ряду прочего печального наследия РАПП» отмечал и такой печальный факт, «что РАПП оценивал писателя не столько по творческой активности его, сколько по степени участия писателя в работе литературных организаций»³. «И до сих пор в Москве известен ряд имен национальных писателей,—писал А. Бакунц,—не имеющих действительно творческого веса, тогда как писатели, действительно двигающие нашу литературу, известны мало. Назовем Чаренца. Этот крупнейший поэт не только в масштабе Армении, но и всего Союза, почти неизвестен широкому русскому читателю, а если и известен, то более как прозаик. Это более чем несправедливо»⁴.

Положение начинает меняться во второй половине 20-х годов, когда главной тенденцией литературного развития становится консолидация творческих сил, сгруппирование писателей во всесоюзных ор-

¹ «Протоколы расширенных пленумов и заседаний ВАПП. 27 февраля 1929 г.» (Центральный государственный архив литературы и искусства СССР—ЦГАЛИ СССР, ф. 1698, оп. I, ед. хр. 920, л. 30, 31).

² «На литературном посту», 1926, № 3.

³ «Литературная газета», 17. VIII. 1934.

⁴ Там же.

ганизациях, в связи с чем появляется необходимость «уделять больше внимания национальной литературе и вопросу об организации пролетарских писателей национальных республик с учетом всех особенностей их развития»⁵.

Жизнетворную основу сгруппирования сил национальных республик и формирования их идейно-эстетического единства составляли национальная политика Коммунистической партии, резолюция ЦК РКБ(б) «Про политику партии в области художественной литературы» (от 18 июня 1925 г.). Таким образом, если в 1917—1925 гг. главным был вопрос, каким путем пойдет развитие национальных литератур, а взаимосвязи между ними определялись целью освоения опыта преимущественно русской литературы, чтобы выбрать свой собственный путь развития, то во второй половине 20-х годов, когда во многом проявились направления этих путей, а литературы набрали сил, главным становится вопрос о формах и принципах связей между этими литературами, которые уже развиваются как советские. Можно сказать, что напряженные поиски разнообразных форм литературного общения и составляют содержание процесса взаимосвязей литератур в этот период. К тому времени выяснилось, что в национальных литературах, достигших уже значительных успехов, происходят такие своеобразные процессы, что русским литераторам стоит ближе познакомиться с ними, глубже, фундаментальнее знать характер и важнейшие тенденции этих процессов. Конечно, такое знание достигалось конкретно при помощи переводных изданий, статей, освещающих эти переводы, как и обзорных статей о национальных литературах, которые и начинают появляться в русской печати.

Вторая половина 20-х годов и начало 30-х годов характеризуются вниманием русских писателей и критиков к таким крупнейшим фигурам в армянской советской литературе, как Е. Чаренц и А. Акопян, А. Ширванзаде и С. Зорьян, А. Бакунц и В. Тотовенц.

Глубоко закономерно, что первым выдающимся произведением армянской советской литературы, переведенным на русский язык и удостоившимся особого внимания русской литературной критики, был роман Е. Чаренца «Страна Наири», который вышел в Москве в 1926 г. вскоре после появления его на родном языке. Как писала в «Предисловии редактора» М. Шагинян, роман этот «был встречен настоящим ликованием армянской прессы и в первые же дни появления оказался «канонизированным»,—общепризнан как узловой пункт нашей литературы, событие установившее своим появлением хронологическую дату»⁶. Обращаясь к русскому читателю, М. Шагинян на пра-

⁵ Из доклада Л. Авербаха на Всесоюзном пленуме РАПП (26—29 ноября, 1927 г.), где были представлены наиболее крупные ассоциации—Армянская, Грузинская, Среднеазиатская, Уральская, Донбасская, «Забой», Ленинградская и др. («На литературном посту», 1927, № 1).

⁶ М. Шагинян, Предисловие редактора, «Страна Наири», М., 1935, стр. 7.

вах редактора издания и, по всей вероятности, и консультанта переводчика (роман был превосходно переведен Я. Хачатрянном), предостерегала его, чтобы он подошел к чтению этого произведения «со вниманием и терпением»— ввиду «жанрового, языкового и стилистического своеобразия романа, похожего на поэму», созданного в гоголевском ритме, с обращением к гоголевской символике. Несмотря на кажущуюся растянутость повествования, М. Шагинян подчеркивала «чрезвычайно скупое и расчетливое мастерство», с каким написан роман, но не в этом видела она его главное достоинство. «...Роман Чаренца в высшей степени реален,— писала она.— Он воплотил, можно сказать впервые, «национальный тип» армянина не в его идеальной проекции (каким его создавали наши классики—Раффи, Ширванзаде и др., питавшиеся условными богатствами западноевропейской и русской беллетристики), а в его повседневной, в крови носимой, всеми отлично знакомой, но никогда в образе не воплощавшейся реальной сущности»⁷.

В таком противопоставлении «Страны Наири» всей предшествующей армянской литературе заметно сказалось влияние не изжитого еще до конца нигилистического отношения к классическому наследию, как и пролеткультовско-рапповских эстетических критериев (хотя писательница отнюдь не принадлежала к этим группировкам).

И вместе с тем М. Шагинян была глубоко права, отмечая новаторство армянского советского романиста. «Чаренц впервые дает монументальную армянскую вещь»,— писала она, подчеркивая, что появление его стало возможно благодаря тому, что в самой армянской общественности появились *те силы*, которые обусловили рождение «национального писателя», «национального литературного произведения».

«Предисловие редактора» явилось как бы отправной точкой для последующих русских рецензентов романа, которые в своих суждениях о нем «отталкивались» от Предисловия, соглашаясь с положениями М. Шагинян или оспаривая их.

Наиболее острополемическим тоном и трактовкой отличалась одна из первых рецензий на издание «Страны Наири» 1926 г., опубликованная в журнале «На литературном посту» за тот же 1926 г. Как направление этого руководящего органа напостовской критики, так и позиция самого автора рецензии, известного пролетарского писателя, одного из авторитетных руководителей РАПП Ю. Либединского, определили ее принципиальную направленность против Предисловия М. Шагинян (которой, кстати, на древе русской литературы, начертанной незадолго до этого на страницах того же журнала, было отведено место в ряду «правых попутчиков»).

Основной тезис, в котором, как в фокусе, сходились все суждения Ю. Либединского о романе Е. Чаренца, был тот, что «Страна Наири»

⁷ Там же.

переросла за пределы национального события»⁸. Следовательно, возмущение его вызывало прежде всего рассмотрение М. Шагинян чаренцевского произведения как сугубо национального явления. Признавая, что стиль романа, равно как и выведенные в нем типы, безусловно, национальны, Ю. Либединский подчеркивал классовое понимание и чувство мира автором. «Для того, чтобы высмеять мелкобуржуазных романтиков национализма, для того, чтобы показать их в таких незабываемо-карикатурных формах, для этого надо исходить из пролетарского понимания и чувствования»⁹, отмечал он, ставя, таким образом, применительно к «Стране Наири» вопрос о национальной форме и классовом содержании художественного произведения. В персонажах, изображенных Е. Чаренцем, «во всей этой незабываемой плеяде дашпакских героев», русский писатель узнавал русских, украинских, литовских, латвийских и всяких иных «мелкобуржуазных революционеров». А коль скоро это так, то главный удар романа, разоблачающего реакционные свойства всякой мелкобуржуазной националистической утопии, рассеивающего романтические туманы национализма, был, по его мнению, направлен против «мелкобуржуазного национализма всякой нации». Следовательно, заключал он, «Чаренц не только национальный писатель, в чем старается нас убедить М. Шагинян, в этом произведении он писатель интернациональной пролетарской литературы»¹⁰.

Проблема классовой, пролетарской сущности романа «Страна Наири», как и всего поэтического творчества Е. Чаренца, была поставлена в работе В. Сутырина «Рождение пролетарского писателя», вошедшей отдельной главой в его книгу «Очерки литературы Закавказья» (1928). Появление этой книги, где рассматривались узловые вопросы развития литератур и творчество отдельных крупнейших художников слова Армении, Грузии и Азербайджана, было крайне симптоматично для второй половины 20-х годов, когда уже в организационном порядке ставились и решались вопросы развития и упрочения межнациональных литературных связей. В. Сутырина, в частности, принадлежала заслуга формирования основ нового подхода к национальному вопросу. В своем докладе на первом съезде пролетарских писателей (апрель-май 1928 г.) молодой напостовец, привлеченный незадолго до этого к руководству в ВАПП, опираясь на свои знания закавказских литератур и исходя из реальной обстановки существования и развития наций, подчеркивал, что «единая по идеологии пролетарская литература всех национальностей может расти здоровой лишь тогда, когда она вырастет органически из культуры своей национальности, что не противоречит, конечно, идее культурного сотрудничества

⁸ «На литературном посту», 1926, № 5—6.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

народов»¹¹. Естественно, что с пониманием сути новой литературы, уже тогда облакавшейся в формулу—«пролетарская по содержанию и национальная по форме»—он и подходил к творчеству Е. Чаренца.

Отвергая вульгарно-социологическую схему, учитывающую при определении классовой сущности писателя его анкетные данные, В. Сутырин ставил во главу угла идеологию и психику писателя, т. е. то, «какими глазами он смотрит на мир», смыкаясь в этом вопросе, как видим, с позицией Ю. Либединского. Е. Чаренц, давно уже отбросивший, по его словам, «кароское», т. е. мелкобуржуазное мерило, представлялся ему художником, «смотрящим на мир глазами пролетариата» и, стало быть, писателем пролетарским. «Чаренц интересует нас не только как одна из наиболее ярких литературных фигур современной Армении,—писал В. Сутырин,—но еще и потому—главным образом потому, что его двенадцатилетний литературный путь очень типичен для определения процесса рождения пролетарского писателя Закавказья (да и только ли Закавказья?)»¹². Касаясь обвинений в «уклонах» и «зигзагах», выдвинутых против Е. Чаренца армянской критикой, он находил их естественными для писателя, родившегося и выросшего в мелкобуржуазном захолустном городе. Вообще следует отметить, что в работе русского критика явно ощущается тенденция отстоять «молодого талантливейшего пролетарского писателя Армении» от необоснованных нападков его соотечественников-критиков, для которых, как он писал, «Чаренц является лишь псевдонимом или «сараевским эпизодом», служащим поводом для объявления «мировой войны». Так, в частности, касаясь поэм «Сома» и «Обезумевшие толпы» и тех высказываний критики (Н. Дабагян), в которых Е. Чаренцу вменялось в вину то, что он не видит-де перспектив революции, видит в революции лишь ее разрушающую силу, революционную стихию, В. Сутырин замечал, что «в этот момент так рисовал революцию не один Чаренц» и что тогда важнее всего были не перспективы, а события сегодняшнего дня—в непосредственной борьбе отстоять революцию только на сегодняшний день. С этой точки зрения, заключал он, Е. Чаренц «уже в этих своих вещах показывает себя как революционер, идущий в ногу с пролетариатом»¹³.

Этапным в творческой эволюции Е. Чаренца произведением, ознаменовавшим решительный поворот писателя «на рельсы пролетарской идеологии», В. Сутырин считал роман «Страну Наири». Отдавая должное высоким художественным достоинствам романа и целиком солидаризируясь в этой оценке с М. Шагинян, В. Сутырин квалифицировал его как произведение, несущее в себе большой социальный заряд и ставшее по этой причине поистине эпохальной вещью. И здесь цепь его рассуждений о «Стране Наири» приводила его к безуслов-

¹¹ В. Сутырин, О национальной культуре («На литературном посту», 1927, № 11—12).

¹² Там же.

¹³ Там же.

ному признанию романа как произведения пролетарской литературы, автор которого, как никто другой, сумел верно, марксистски нарисовать огромное полотно, посвященное эпохе «войн и революций» и тем самым «безоговорочно определился в ряды пролетарских писателей».

В 1933 г. роман «Страна Напри» вышел в Москве вторым изданием и вызвал не только более широкий интерес русской критики, чем издание 1926 г., но и оживленный обмен мнений в писательских кругах. Теперь уже о Е. Чаренце заговорили и как о крупнейшем советском поэте, как бы спохватившись, что русский читатель и по сей день не знаком с его поэзией.

Констатацией этого факта и начиналась одна из первых рецензий на второе издание романа, принадлежащая члену бригады Всесоюзного Оргкомитета ССП, недавно побывавшему в Закавказье В. Гольцеву. Заметив, что «Страна Напри» встречена «оживленным обменом мнений», автор рецензии переходил к оценке творчества Е. Чаренца в целом. «Египше Чаренц,—писал он,—один из самых выдающихся и талантливых писателей Советской Армении. Его значение для новой армянской литературы огромно. По силе дарования, по размаху творчества, по идейной значимости Чаренц давно уже переступил узконациональные рамки. Его имя следует поставить в один ряд с лучшими писателями всего Советского Союза»¹⁴. Критик выражал сожаление, что из прозы Е. Чаренца переведена всего одна книга, а его поэзия до сих пор еще не издана на русском языке.

С определением общесоюзной значимости творчества Е. Чаренца перекликались оценки, данные «Стране Напри» авторами других рецензий, появившихся в центральных и периферийных газетах и журналах. И даже более, речь шла подчас об общечеловеческом звучании чаренцевского романа. Вот что писал, например, рецензент критико-библиографической бюллетени «Художественная литература» Е. Штейнберг: «В романе речь идет о дашнакизме, т. е. о движении специфически—армянском, но автор берет тему глубже, он ставит вопрос о национализме вообще, о его классовой природе... Несмотря на то, что Чаренц на каждом шагу подчеркивает местный колорит и национальные особенности, его роман и по теме и по материалу обладает силой типических обобщений. Маленький армянский городок вырастает в некую символическую провинцию «с большой буквы», персонажи, наделенные типически армянскими чертами, характерами и внешностью, входят в мировую литературную галерею универсальных обывателей и мелких буржуа»¹⁵.

Во вновь опубликованных работах о «Стране Напри» новый ракурс рассмотрения привел к «свежим наблюдениям, некоторым «открытиям». Такое новое рассмотрение характерно уже для упоминавшейся

¹⁴ В. Гольцев, Роман Египше Чаренца «Страна Напри» (по поводу II издания, 1933) («Литературная газета», 4. II. 1934).

¹⁵ Е. Штейнберг, «Главная улица» армянского предреволюционного мещанства («Художественная литература», 1933, № 12).

рецензии В. Гольцева, где впервые говорилось о двуплановости чаренцевского произведения. Это своеобразие «Страны Наири» подчеркивалось уже при определении жанра романа, который, по словам В. Гольцева, «представляет собой самую злую, по-гоголевски беспощадную сатиру на недавнее прошлое Армении и вместе с тем — армянскую эпопею»¹⁶. Но еще рельефнее оно проступало в «двойственном» подходе писателя к изображаемым событиям, участником которых, как подчеркивал рецензент, был он сам.

Правильно зафиксировав явление, В. Гольцев пытался установить и его природу, выявить его причины. И оказывалось, что двуплановость романа вытекала из двойственной сущности творческой натуры самого его создателя. Однако вся логика дальнейших рассуждений В. Гольцева подтверждает, что двуплановость не рассматривалась им как достоинство романа. «При всей своей двуплановости,— писал он,— Егише Чаренц сумел создать исключительную по силе и выразительности армянскую эпопею, в основе которой, по замечанию М. Шагинян, лежит полная историческая правда»¹⁷. Несмотря на эту оценку, В. Гольцев тем не менее не соглашался с некоторыми закавказскими критиками (он называл В. Сутырина), «поспешившими объявить «Страну Наири» безоговорочно пролетарским произведением». «Суть дела заключается не только в указанной двойственности автора,—пояснял он. Существенным недостатком книги является и то, что Чаренц ни единым словом не обмолвился о революционных силах, создавших впоследствии Советскую Армению»¹⁸.

Упрек Е. Чаренцу в недостаточной разработанности в его романе линии армянского революционного движения, повторявшийся и в других рецензиях о «Стране Наири» (Е. Штейнберга, Я. Роткевича), не может быть объяснен лишь незрелостью эстетических критериев их авторов или отсутствием у них конкретно-исторического подхода к обсуждаемому явлению. Дело в том, что такие обвинения были совершенно в духе рапповской критики, подходившей к анализу литературного произведения с заранее готовой схемой того, каким это произведение должно было быть, причем это должное осознавалось довольно омуто и обще.

Такое неудовлетворительное состояние критики вызывало недовольство прежде всего у писателей—так называемых «попутчиков», «творивших вне «художественной платформы» РАПП и, естественно, чаще других подвергавшихся ударам рапповской критической дубинки.

С совершенно иных позиций роман Е. Чаренца осмысливался писателем—попутчиком В. Кавериным. Второе издание «Страны Наири» вышло вместе с ироническим предисловием автора, в котором Е. Чаренц благодарил читателей за указания и поправки, относящиеся к биографии его героев. Оно послужило для В. Каверина поводом, со-

¹⁶ В. Гольцев, указ. соч.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

поставив роман Е. Чаренца со знаменитым романом М. Твэна «Приключения Гекльберри Финна», также вышедшим с шутливым предисловием автора к читателям, заговорить о художественной достоверности произведения армянского писателя, активно вторгавшегося в глубины жизни. «Не является ли «Страна Наири» одним из тех примечательных литературных явлений, при рассмотрении которых нет возможности провести границу между реальностью и искусством,— писал В. Каверин. Не является ли эта черта, столь характерная для подлинного искусства, тем признаком бесспорного социального значения этой книги, который объясняет, почему появление ее стало такой знаменательной датой для армянской литературы?»¹⁹.

В. Каверин также отмечал двуплановость «Страны Наири», рядом с иронической струей выделяя и лирическую струю, но, в отличие от В. Гольцева, видел в этом «безусловное достоинство» романа. «Самая же тема ее,— писал он,— воображаемая, пока еще фантастическая страна—дана одновременно в двух преломлениях. И если одно из них—«Страна Наири» дашнака Мазут-Амо,— дана в тонах беспощадной иронии, то другое преломление этой темы дано Чаренцем с той глубокой лиричностью, которая напоминает читателю, что книга написана талантливым армянским поэтом»²⁰.

Первые русские издания романа «Страна Наири» вызвали столь широкий читательский интерес к нему, что в 1935 г. книга вышла в Москве уже двумя изданиями, которые также были освещены в печати. Но это были уже последние отклики русских литераторов на роман Е. Чаренца. После 1935 г., по мере прекращения новых изданий, постепенно затухает и интерес к роману.

Оглядывая работы русских критиков, проявлявших в течение почти целого десятилетия неослабевающий интерес к роману «Страна Наири», можно заметить следующее характерное обстоятельство. Если русская критика видела в романе прежде всего бичующую беспощадную сатиру, направленную против реакционной утопической и националистической идеи, иногда выделяя и второй ее—лирический или позитивный план,—высказывания армянской критики и печати были посвящены преимущественно выяснению того, насколько верно отразил и осветил Е. Чаренц деятельность партии дашнакцутюн в период империалистической войны²¹. Если русской критикой роман был почти единодушно признан выдающимся произведением советской пролетарской литературы, то ряд местных деятелей, возглавляемых Г. Ай-

¹⁹ «Литературная газета», 13. 11. 1934.

²⁰ Там же.

²¹ В этом отношении показателен следующий факт: в газете «Гракан терт» была напечатана публиковавшаяся в «Литературной газете» рецензия В. Гольцева о романе «Страна Наири»; редакция газеты в примечаниях к ней, давая справку об авторе, о самой рецензии нашла нужным лишь заметить, что «рецензент не дает верной и четкой характеристики дашнакцутюн» («Գրական Բերք», 28. 11. 1934).

куни, в течение того же десятилетия считали «Страну Наири» чуждой духу пролетарской культуры. По-видимому, мнение это разделяли и некоторые руководящие литературные деятели, поскольку из всех статей русских критиков в «Гракии терт» была перепечатана именно рецензия В. Гольцева, также не причислявшая, как мы видели, «Страну Наири» к произведениям пролетарской литературы.

На страницах печати с обзорными статьями о современной армянской литературе выступали также и литераторы-армяне — Г. Адонц, Г. Татулов, Т. Ахумян, А. Мкртчян, О. Меликян и др. Так, в 1927 г. в журнале «На литературном посту» была опубликована объемистая статья Г. Татулова об А. Акопяне, написанная по поводу исполнившегося в 1926 г. 60-летия поэта. Знакомя читателей с творческим путем не известного им до сих пор первого пролетарского поэта Армении, автор статьи говорил о необходимости издания на русском языке хотя бы важнейших его произведений. В следующем 1928 г. в Москве на русском языке действительно вышла книжка стихов и поэм А. Акопяна «Новое утро». Предисловие к этой книжке было написано давним другом армянского поэта народным комиссаром просвещения РСФСР А. Луначарским.

Высокой оценки А. Луначарского А. Акопян удостоивался прежде всего потому, что он был не только поэтом-революционером, но, что важнее с точки зрения автора Предисловия,—поэтом-большевиком, поэтом-пролетарским, т. е. человеком и практически связавшим свою судьбу с делом рабочего класса. И эта характеристика проходит красной нитью через все Предисловие. А. Луначарский сравнивал А. Акопяна с Э. Верхарном, находя в творчестве обоих поэтов много общих черт—и мировоззренческих, и художнических. «И Верхарн и Акоп Акопян были люди, ненавидящие прошлое и царствующее зло, устремленные с неумной страстностью к лучшему будущему,—писал он. И Акоп Акопян и Верхарн бесконечно высоко ставили труд и видели в рабочем осуществление своих надежд»²². А. Луначарский указывал и на разницу между обоими поэтами: если европеец Э. Верхарн, по его мнению, был «шире и многоцветнее» своего собрата, то у А. Акопяна были свои преимущества—он был марксистом, был человеком, принявшим участие в революции. Эти обстоятельства определили и дальнейшие их судьбы, отмечал А. Луначарский.

К концу 20-х годов русская критика начала проявлять интерес и к творчеству двух крупнейших мастеров армянской прозы—А. Ширванзаде и С. Зорьяна. Это было обусловлено теми сдвигами в литературной жизни России и национальных республик, которые ознаменовались и коренным изменением отношения к писателям-попутчикам. Конечно, перестройка литературной работы в этом направлении, выправление «левацких» изгибов в отношении беспартийных писателей, привлечение

²² А. Луначарский, Собр. соч. в 8-ми томах, т. 2, М., 1964, стр. 369.

них к активной литературной работе не всегда сопровождалась беспристрастной объективной оценкой их творчества, но главное—это творчество было поставлено на повестку дня литературной критики.

В 1928 г. в упомянутой книге В. Сутырина «Очерки литературы Закавказья» появилась первая работа об А. Ширванзаде, написанная по поводу 70-летия писателя. Если в главе о Е. Чаренце В. Сутырин рассматривал рождение армянского пролетарского писателя как процесс, характерный и для других пролетписателей Закавказья, то здесь, думается, он преследовал другую, можно сказать, противоположную цель—дать картину ухода с литературной арены или отмирания некоторых крупнейших художников прошлого, потерявших с приходом советской власти «базу» для своего творчества. Соответственно и глава об А. Ширванзаде называлась «Страницы прошлого». В статье прежде всего, как принято было тогда, выяснялась социальная генеалогия писателя. Установившись, что хотя А. Ширванзаде и принадлежал по рождению к мелкобуржуазной среде, его, как писателя, создала промышленно-капиталистическая буржуазия. Но чем же в таком случае объяснить противоречия писателя, столь ярко сконденсированные в его центральной вещи—романе «Хаос» —противопоставление рабочего класса буржуазии, в котором он «заходит гораздо дальше, чем это позволяет идеология буржуазного либерализма», сочетание интернационалистических и националистических моментов, художественно-совершенное выписывание героев и навязывание им ходульных моральных норм (критик, в частности, соглашался с мнением автора статьи об А. Ширванзаде А. Кариняна в том, что «обращение» и «возрождение» Микаела—наиболее слабое, уязвимое место романа)? В. Сутырин объяснял их тем, что «политически Ширванзаде стоял на позициях либеральной буржуазии, но более высокие, тонкие идеологические надстройки, те области идеологии, в которых он был наиболее «самобытным», очевидно, были отличны от позиции крупной буржуазии, хотя и либерального толка»²³, иными словами—А. Ширванзаде, выйдя из мелкобуржуазных слоев, остался им верен в своем творчестве. Это своеобразие творчества крупнейшего художника прошлого В. Сутырин обуславливал своеобразием экономической и политической жизни Закавказья. «Если бы социальная дифференциация на Кавказе протекала более интенсивно,— писал он,— и мелкая буржуазия чувствовала бы на себе больший экономический гнет буржуазии крупной, если бы отсутствовало национальное угнетение, возможно, Ширванзаде стал бы значительно более радикальным в своем творчестве»²⁴.

Куда более оптимистично была настроена М. Шагннян, выступившая в 1930 г. в газете «Известия» со статьей «Ширванзаде». Рассматривая творчество большого художника как непрерывный подъем, пи-

²³ В. Сутырин, Очерки литературы Закавказья, Тифлис, 1928, стр. 70—86.

²⁴ Там же.

сательница, по существу, не отказывала ему в дальнейшей литературной жизни.

И в статье В. Сутырина, и в статье М. Шагинян выражалось сожаление, что творчество А. Ширванзаде до сих пор не переведено на русский язык и фактически незнакомо русскому читателю, за исключением двух его повестей—«Намус» и «Злой дух»²⁵, переделанных в пьесы и мастерски экранизированных Арменжино.

В конце 20-х—начале 30-х годов процесс все нарастающей активизации литературных связей вовлек в свою орбиту и «Красную Новь»—самый «толстый» русский литературный журнал, остававшийся наиболее индифферентным в течение 20-х годов в отношении национальных литератур. В начале 1929 г. в журнале под рубрикой «Творчество народов СССР» стали в обзорном порядке обсуждаться книги национальных авторов, изданные в Гизовской серии «Творчество народов СССР». Редакция журнала поддерживала эту серию, считая ее «чрезвычайно актуальной и интересной по своему замыслу». «В наши дни, в дни роста и развития национальных культур, налаживания национальных культурных связей между народами СССР, систематическое издание образцов художественного творчества национальных писателей нужно всемерно приветствовать»,—оповещала редакция «Красной нови»²⁶. Там же в числе семи книг этой серии обсуждалась и повесть А. Ширванзаде «Злой дух», квалифицированная как «несколько наивная, но художественно хорошо сложенная повесть старого армянского романиста и драматурга».

Следующей книгой армянских авторов, удостоившейся внимания «Красной нови», был изданный в 1931 г. однотомник В. Тотовенца «Жизнь на древнеримской дороге», куда вошли роман под этим названием и повесть «Нью-Йорк». Представляя читателям журнала молодого армянского прозаика, рецензент В. Борахвостов говорил о своеобразии его творчества, выделяя в нем две довольно выпукло наметившиеся линии национальной культуры, берущие начало—одна в западноармянской литературе, другая—в восточноармянской. Переходя затем к рецензируемым произведениям, он их также трактовал как две части единого тематического осмысления жизни народа—у себя на родине и за рубежом, в Америке, хотя и считал их «диаметрально противоположными по характеру». В чем заключалась эта противоположность, трудно судить по последующему анализу романов, ибо оба они удостоивались одинаковой оценки, совершенно в духе рапповской критики. Вот что писал рецензент о романе «Жизнь на древнеримской дороге»: «Особенностью этой вещи Ваана Тотовенца является не решение каких-либо социальных проблем, поставленных перед его народом, не зарисовка острых общественно-значимых моментов армянской жизни, а чрезмерное увлечение колорит-

²⁵ В 1929 г. повесть «Злой дух» в переводе В. Теряна на русский язык была издана Гиз-ом.

²⁶ «Красная новь», 1929, № 4.

ностью и живописностью жизненного уклада»²⁷. Еще большее нареkanie рецензента вызывало второе произведение книги, в котором «Тотовенц представлял не как писатель, обладающий резко выраженной пролетарской устремленностью в своем творчестве, а как интеллигент, бродяжничающий по «демократическому раю» Америки». В заключение автору книги предлагалось «задуматься над своими творческими путями, ведущими не вперед, по дороге пролетарской литературы к показу новых форм социалистического труда и оздоровления быта, а назад, по древнеримской дороге».

В 1934 г., перед самым съездом советских писателей, на страницах «Красной нови» появилась статья о С. Зорьяне²⁸. Она была написана уже знакомым нам В. Гольцевым и, являясь формально рецензией на изданную в 1933 г. на русском языке повесть С. Зорьяна «Белый город», по существу, давала обзор всего творчества писателя, переведенного на русский язык. Статья начиналась с разбора двух изданных ранее, в 1930 г., книг С. Зорьяна — «Рассказы» и «Девушки из библиотеки». Только недопустимым невниманием к национальной литературе объяснял критик то обстоятельство, что эти книги выдающегося армянского прозаика не удостоились в свое время внимания русской критики. Говоря о ранних рассказах писателя, В. Гольцев отмечал два определяющих обстоятельства их создания — хорошее знание автором армянской крестьянской и провинциальной жизни и совпадение начала его творчества с империалистической войной. Оба эти обстоятельства определили как тематику этих произведений, так и их художественную выразительность и жизненную достоверность. Критик с удовлетворением констатировал, что военным рассказам С. Зорьяна чужды националистически-патриотические «чаяния». Они гуманистичны, социально содержательны. Высоко оценивались В. Гольцевым деревенские рассказы С. Зорьяна («Клад», «Изгородь» и др.), в которых писатель, как отмечал критик, обладает не только знанием армянской деревни и маленьких глухих городишек, но и «писательской зоркостью». Рассказ «Цован» напоминал ему толстовского «Холстомера». И все же, по мнению В. Гольцева, ранним рассказам С. Зорьяна не хватало классового постижения описываемых явлений.

«Девушку из библиотеки» В. Гольцев рассматривал как свидетельство значительного идейного роста писателя. Здесь, как и в «Председателе Ревкома», отчетливо определились писательские симпатии С. Зорьяна, его писательский голос, в котором уже звучала не гуманистическая любовь к человеку «вообще», а сочувствие «к конкретным носителям революционного сознания». В. Гольцев сравнивал «Девушку из библиотеки» с романом М. Горького «Мать», отмечая, что, как и горь-

²⁷ В. Борахвостов, Ваан Тотовенц, Жизнь на древнеримской дороге («Красная новь», 1931, № 12).

²⁸ В. Гольцев, О Степане Зорьяне и его «Белом городе» («Красная новь», 1934, № 6).

ковская Власовна, Анна Даниелянц через материнскую любовь приходят к пониманию большой правды революционного дела.

Что касается собственно рецензируемого «Белого города», то, отдавая должное проявленному в этом произведении «дальнейшему мировоззренческому перевооружению» С. Зорьяна, критик расценивал его как неудачу писателя, не справившегося в целом с важной задачей показа строительства соцгорода «в системе художественных образов». Имея в виду большой талант С. Зорьяна, В. Гольцев писал, что советская литература вправе ожидать от армянского прозаика большего, вполне конкретного и полноценного художественного показа социалистической эпохи.

Вот в основном работы, которые, если не исчерпывают, то определяют отношение русских литераторов к творчеству армянских советских писателей. По мере появления каждой новой из этих работ в зеркале русской критики все отчетливее проступало лицо армянской литературы. Дополнительные штрихи к этому лику вписывали сами армянские критики и литературоведы, выступавшие на страницах русской печати со статьями и рецензиями об армянских поэтах и прозаиках—Д. Демирчяне, М. Арази, А. Бакунце, В. Алазане, А. Вштуни и др. Это дало возможность уже к 1934 г., в преддверии к съезду, говорить об общем уровне армянской советской литературы, который был признан высоким. «Высокий художественный уровень армянской литературы и армянской поэзии делал чрезвычайно важным усвоение ее опыта для всех других литератур Советского Союза, в том числе и для русской»,—писал в это время секретарь Всесоюзного оргкомитета ССП, один из дальнейших активных исследователей армянской литературы В. Кирпотин²⁹.

Первый Всесоюзный съезд писателей определил и последующее, более глубокое и более многостороннее взаимодействие и взаимообогащение советских национальных литератур, что не замедлило сказаться и на более интенсивном освещении армянской литературы русской критикой в ближайшие же годы.

ՀԱՅ ԳՐԱԿԱՆՈՒԹՅՈՒՆԸ ՌՈՒՍ ԲՆՆԱԴԱՏՈՒԹՅԱՆ ԳՆԱՀԱՏՄԱՄԲ
1920-ԱՎԱՆ ԹՎԱԿԱՆՆԵՐԻՆ ԵՎ 1930-ԱՎԱՆՆԵՐԻ ՍԿՋՐԻՆ

ՍՆԴԱ ԱՄԴՐՅԱՆ

Ա մ փ ո փ ո լ մ

Սովետական ռուս քննադատությունը 1920-ական թվականների երկրորդ կեսից առանձնակի հետաքրքրություն է ցուցաբերում նաև հայ գրականության նկատմամբ, երբ ընդարձակվում ու խորանում են ստեղծագործական

²⁹ «Литературная газета», 16. III. 1934.

աղերսները սովետական բազմադզ գրականությունների միջև: Նոր թափով՝ դրսևորվող այդ հետաքրքրությունը պայմանավորված էր սովետական գրականության զարգացման ժամանակակից օրինաչափություններով և այստեղից բխող գրական ուժերի համախմբման, աղգային գրականությունների շփման և ստեղծագործական նվաճումների փոխանակման հրատապ անհրաժեշտությամբ:

Սովետահայ գրականության առաջին խոշոր ստեղծագործությունը, որ իր վրա գրավեց ուս գրողների ու քննադատների (Մ. Շահինյան, Յու. Լիբեդինսկի, Վ. Սուտիրին, Վ. Կավերին, Վ. Գուլցև և ուրիշներ) սեռոուն ուշադրությունը, Ծ. Չարենցի «Երկիր նաիրի» վեպն էր: Այն արժեքավորվեց որպես պրոլետարական գրականության ակնառու երկերից մեկը, որն իր գաղափարական ու գեղագիտական արժանիքներով ձեռք է բերել համամիութենական նշանակություն:

1930-ական թվականների վերջերին ու 1930-ականների սկզբին ուս գրաքննադատության հետաքրքիր դիտարկումների առարկա դարձան հայ արձակի այնպիսի նշանակալից դեմքեր, ինչպիսիք էին Ա. Շիրվանզադեն ու Ս. Զորյանը, Ա. Բակունցն ու Վ. Թոթովենցը: Նրանց երկերը, որոնք արդեն հրատարակվել էին ուսերեն, քննարկվում էին ժամանակակից գրական միտքը հուզող հարցադրումների լույսի տակ: